A18 4/17

ОИК
XIX в.

27

A 184
17

ПИСЬМА
ИЗЪ
ЛИФЛЯНДІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Фишер.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.
1809.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

БИБЛИОТЕКА
Государ. историч. Музея
№ 14832
20 V 1932

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ты жалѣешь, что я — съ младенчества занимаясь въ мысляхъ своихъ Швейцарскими долинами и прекраснымъ Италіанскимъ климатомъ — брожу теперь по голымъ песчанымъ холмамъ на Сѣверѣ. Зовешь меня къ себѣ подъ тѣнь пушистыхъ своихъ лѣсовъ, на луга, роскошно усѣянные цвѣтами. — Такъ, любезный Фердинандъ,

Природа вокругъ тебя и милыхъ моихъ друзей щедрѣе на дары свои, нежели въ Лифляндіи: я не вижу здѣсь ни одного лѣсочка изъ высокихъ плодовитыхъ деревъ, ни одного пригорка съ частымъ виноградомъ; на пути моемъ не мелькаютъ изъ долинъ богатыя деревни съ своими башнями; тутъ не увидишь ни одной горы, которую бы можно было сравнить съ Турингскимъ Шнеекопфомъ или Аверсбергомъ; однакожъ — Природа и здѣсь прекрасна.

Въ небольшемъ путешествіи, за нѣсколько мѣсяцовъ предпринятомъ мною съ здѣшними любителями Природы, нашелъ я въ Лифляндіи болѣе хорошаго, нежели ожидалъ — и теперь имѣю случай, печальную картину, въ какой ты представляешь себѣ эту страну, нѣсколько оживить и украсить. Въ ласковомъ твоемъ *снизхожденіи къ моимъ* замѣчаніямъ и умствованіямъ, иногда маловажнымъ, иногда неосновательнымъ, я

напередъ увѣренъ. Въ такихъ путешествіяхъ ищемъ мы не глубокихъ познаній, а только разсѣянности.

И такъ не теряя времени, возьми карту о Лифляндіи, и, естьли можно, возьми прекрасную карту Меллиннову: изъ Риги Сѣверо-Востокомъ путешествуй по ней со мною въ Линденгофъ и Роннебургъ, оттуда Югомъ чрезъ Сербь и Эрлау въ Кокенгусенъ, а отсюда наконецъ по Двинѣ опять

въ Ригу. Все это путешествіе составитъ около 60 миль. Начнемъ же.

Съ намѣреніемъ объѣхать лучшія мѣста въ Лифляндіи, отправились мы 17 Іюня на шесть дней въ путь. Это была веселая труппа путешественниковъ, какую зажишочные Рижскіе жители почти каждой годъ между *собою составляютъ*. Осьмнадцать человѣкъ мущинъ и женщинъ, молодыхъ, ловкихъ — чего не обѣща-

ютъ въ пути! Заготовясь свѣстными припасами и дюжими лошадьми, которыя здѣсь промчатъ тебя болѣе въ одинъ день, нежели жирныя Алтенбургскія въ два; зная наконецъ науку, гадать по полету птицъ — чего бы мы испугались? Сверьхъ того мрачное на тѣхъ дняхъ небо болѣе и болѣе надъ нами прояснялось; теплое, красное солнышко прогляну-ло на Сѣверную сторону, а съ моря навѣвалъ легонькой вѣтерокъ.

Конечно, дорога между Ригою и Гинценбергомъ самая меланхолическая; окрестности состоятъ, такъ сказать, изъ Оссіановскихъ рощей, гдѣ бѣдной кусточекъ, часто одинъ, незащищаемой никакимъ рослымъ деревомъ, — того и смотри, засыплется пескомъ.

На этотъ разъ, можетъ быть, ты однихъ со мною мыслей, — что лучше бы мнѣ остаться дома. Но не бойся! Передъ Гинценбер-

гомъ встрѣчается прекрасной лѣсокъ; а между тѣмъ у насъ есть люди съ щастливыми характерами, которые умѣютъ каждую минуту веселить и себя и другихъ.

Сверьхъ того мелькали подлѣ насъ нѣкоторыя озера; между прочимъ были два, Бѣлое и Синее, хотя онѣ такъ названы, какъ часто и славные люди называются, безъ всякаго очевиднаго основанія; ибо и то и другое

озеро цвѣтомъ своимъ ни мало не отличаются.

Тутъ увидѣли мы на этой пустой полосѣ рѣку Аа, можетъ быть, ни чѣмъ не хуже самой Эльбы въ Дрезденѣ, по которой нѣкогда далеко вверьхъ проходили суда. Она въ различныхъ излучинахъ протекаетъ большую часть тѣхъ мѣстъ, кои составляютъ собою волшебное украшеніе и богатство Лифляндіи, и кои мы намѣрены были посѣтить. Здѣсь

берегъ ее низокъ и пустъ.

Съ сумерьками прибыли мы въ лѣсокъ, которымъ я сей часъ тебя утѣшалъ. Только соединяя сіи три идеи: лѣсъ, вечеръ, Лифляндію, не напугайся разбойниковъ или дикихъ звѣрей. Нигдѣ такъ безопасно не путешествуютъ, какъ здѣсь, а хорошая дорога, частыя по ней версты и Меллиннова карта, всегда вели насъ прямымъ трактомъ.

Съ нами была флейта и рогъ, и одинъ товарищъ нашъ, прекрасной музыкантъ, пробудилъ на нихъ громкое въ лѣсу эхо. Какъ бы это весело было для Дріядъ съ своими сестрами, естьли бы прелестная мечта о бытіи ихъ не была мечтою! Иногда и трудно почесть ее тѣмъ.

Мысль о молодыхъ нашихъ лѣтахъ часто представляется намъ такою же химерою.

Съ наступленіемъ ночи прибыли мы наконецъ въ Гинценбергскую корчму. Что такое корчма; тебѣ извѣстно. Эти корчмы вездѣ очень бѣдны, но на большихъ дорогахъ, особливо въ Курляндіи, чистотою своею гораздо превосходятъ трактиры въ нашихъ Нѣмецкихъ торговыхъ мѣстечкахъ.

За крѣпкимъ пуншемъ тотчасъ завели мы дружескій разговоръ; здѣсь безъ

того говорятъ нѣсколько мало и скучно — и мнѣ чрезъ два часа показалось, что я былъ между людьми, давно уже мнѣ знакомыми. Но тѣмъ живѣе представилъ я тутъ милыхъ друзей моей юности, тѣ щастливые дни, кои проводилъ я съ вами въ маленькой деревенькѣ.

Около четырехъ часовъ разбудилъ насъ рогъ, и въ нѣсколько минутъ все наше общество готово было въ путь, въ Гинценбергскія ок-

рестности. Но утро было еще холодно. Одинъ изъ нашихъ товарищей, желая срисовать здѣсь нѣкоторыя мѣста, и за тѣмъ вышедъ въ поле очень рано, воротился не здѣлавъ своего дѣла. Утренній вѣтеръ былъ рѣзокъ, и мы рѣшились за кофеемъ дожидаться теплаго времени. Наконецъ, какъ роса при солнцѣ начала уменьшаться, мы сошли въ небольшую узкую долину, окруженную кустарникомъ, и тутъ вдругъ увидѣли про-

стой, обросшій мхомъ памятникъ, посвященный извѣстному Гиршфельду. Не далеко оттуда привлекла насъ къ себѣ высѣченная на камнѣ надпись: то была достойная Гердера хвала Природѣ и приглашеніе къ ея радостямъ — приглашеніе согласное съ нашимъ намѣреніемъ, и оно было намъ пріятно. По горѣ много мелькало земляники; — причемъ кстати скажу, что Лифляндія богата всѣми ягодами, и намъ по дорогѣ ду-

шистую, вкусную земляни-
ку продавали за бездѣлку.

Мы стали подъ зонти-
комъ на горѣ. Сначала за
утренними парами долину
Аа мы мало могли видѣть;
но туманъ солнечными лу-
чами разсѣялся — и при пер-
вомъ взорѣ мы были очаро-
ваны живописнымъ положе-
ніемъ рѣки сего имени.
Представь себѣ, другъ мой,
жителей пустой песчаной
страны, горожанъ, на этотъ
разъ сложившихъ съ себя

всѣ скучныя обязанности, представь ихъ въ ясное лѣтнее утро окруженныхъ романтическими картинами,— и ты извинишь, что мы всѣ были въ восторгѣ.

Осмотрѣвъ въ долинѣ пчельникъ и простую водяную мѣльницу, пошли мы легонько по рухлымъ березовымъ мостамъ назадъ въ свою корчму, и тотчасъ сѣли въ коляски.

Не далеко передъ нами

очутилась Кроненбергская долина. Здѣсь дорога хотъ не такъ утесистая, но довольно покатая, оставлена безъ смотрѣнія — и мы поминутно принуждены были сходить съ колясокъ. Жаль, что на этотъ разъ у насъ не *было тормозу* подъ колесо: съ нимъ избавились бы мы всѣхъ хлопотъ.

Долина эта представляетъ довольно глубокую, круглую впадину; смотри, мы, останавясь въ ней передъ кор-

чмой, взбираемся на смежной съ нею высокой пригорокъ.

Здѣсь Аахаль кажется гораздо шире, нежели въ Гинценбергѣ. Вдали увидѣли мы развалины трехъ старинныхъ замковъ, Зегевольда, Трейдена и Кремона. Это открытыя мѣста; только тутъ горы не такъ оголены, какъ гдѣ нибудь въ Іенѣ. Расположась подъ кустарникомъ, разбудили мы здѣсь своимъ рогомъ гром-

кое эхо, и это были прекрасныя для насъ минуты; — я желалъ бы, чтобъ ты ихъ съ нами раздѣлялъ. Не ужели еще путешествіе мое по Сѣверу тебѣ не нравится?

Другъ мой, Природа всюду прелестна!
Всюду найдется уголъ спокойный,
Гдѣ на свободѣ сердце вздохнетъ,
Гдѣ восхищенье умъ оживитъ;
Самый угрюмый, сумрачный Сѣверъ
Въ образѣ диковъ прелесть имѣетъ.

Теперь отпустили мы коляски свои впередъ, а сами легонько пошли пѣшкомъ по прекрасному регулярному лѣсочку, коего аллеи рядомъ съ дорогою такъ прелестно извиваются. Въ самомъ дѣлѣ, въ такой жаркой день намъ пріятно было пройтись подъ тѣнію березъ, орѣшника и поджараго можжевельника, сего кипариса Сѣверныхъ странъ, — гдѣ сверьхъ того въ долу безпрестанно слышишь шумъ ручья.

Дорога отсюда до Зегевольда, проходя по высокимъ мѣстамъ, представила намъ въ первой разъ такъ далеко открытыя окрестности, горы и долы. Прекрасная и вмѣстѣ для меня горестная картина! Ты знаешь, что въ Лифляндіи мало уѣздныхъ городовъ, а деревень и совсѣмъ нѣтъ; ежели же есть, то только кучи шалашей. Въ Германіи съ этого мѣста увидѣлъ бы я по крайней мѣрѣ до шести порядочныхъ

городковъ и до двадцати деревень, а здѣсь не могъ найти одного ряду человѣческихъ жилищъ; по мѣстамъ мелькаютъ только разсѣянныя хижины. Три разрушенные замка дѣлаютъ это зрѣлище еще печальнѣе. Впрочемъ намъ встрѣчались на пути плодоносныя поля, и мы довольно видимъ, что здѣсь могло бы жить гораздо *болѣе людей*, и *можетъ* быть, гораздо щастливѣе. — Но все худое имѣетъ въ себѣ что нибудь хорошее.

Естьли бы окрестности насъ очаровали, то на этой кремнистой дорогѣ не мудрено бы было слетѣть съ коляски и объ камни разбить себѣ голову. — Наконецъ однакожь благополучно пріѣхали мы въ Зегевольдскую корчму, которая отъ самыхъ остатковъ сего замка находится только въ нѣсколькихъ шагахъ.

Конечно, ты не требуешь отъ меня ни историческаго, ни топографическаго

описанія всѣхъ развалинъ, какія по дорогѣ будутъ встрѣчаться. Всѣ эти замки часто были осаждаемы, взяты, и не далеко отъ нихъ, особливо отъ Трейдена и Вейдена, происходили сраженія, которыя были бы довольно собою замѣчательны, естьли бы слѣдствія ихъ равнялись пролитой на нихъ крови. Лифляндскіе замки *отличаются отъ* Нѣмецкихъ тѣмъ, что они защищаются не столько мѣстоположеніемъ, сколько твер-

дыми стѣнами. Это подлинно были не разбойническіе замки, а настоящія крѣпости, построенныя для обезопасенія законнаго обладателя: но теперь даже остатки ихъ разрушены.

Между тѣмъ развалины Зегевольда открывали намъ пріятное зрѣлище на широкую Ааталь, окруженную довольно высокими пригорками, и я увѣренъ, что нѣкоторые путешественники думали найти здѣсь самой

Рейнъ. Жаль только, что тутъ не развѣваютъ флаги и не зеленѣютъ винограды.

Смотря на высокую передъ собою гору Ливенъ — продолженіе горы Зегевольдской, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведеніе рукъ человѣческихъ — мы съ однимъ ходакомъ захотѣли на нее взобраться. *Тщетное покушеніе!* Вершина прекрасно была покрыта пушистыми классами — и это извиняетъ

любопытство путешественника. Но самая гора слишкомъ скользка, жаръ былъ несносенъ, подъ высокой травой, какъ змѣи, вездѣ лежали разкиданные коренья опрокинутыхъ тутъ деревъ, а потому тотчасъ со стыдомъ спустились мы къ прочимъ товарищамъ, оставшимся у подошвы горы.

Собираясь съ силами въ прохладной тѣни, смотрѣли мы вмѣстѣ на здѣшнихъ жителей, разкинувшихся на

жару. Никогда не видалъ я, чтобъ они отдыхали подъ тѣнью дерева; полдникъ ихъ бываетъ тамъ, гдѣ палитъ сильнѣе солнце.

Спокойно на паромѣ переправясь черезъ рѣку, вдругъ очутились мы подлѣ Трейднерской горы. Нѣкоторые рѣшились со мной на нее взобраться, а другіе, устрашенные симъ предпріятіемъ, оставались до нашего возвращенія въ близлежащей Гутмансовой пещерѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ дышали мы на горѣ чистымъ воздухомъ, и на открытыя подъ нами окрестности смотрѣли съ какою-то гордостію: такъ нѣкогда кидали на нихъ взоры обладатели сего замка. Изъ хижины, лежащей подлѣ развалинъ, подали намъ воды, и мы, подъ тѣнію зеленаго дерева, освѣжась этой легкой холодной водой, вздумали по круглой лѣстницѣ взойти на каменную стѣну сихъ руинъ. Мы не нашли

тутъ очаровательныхъ проспектовъ — у насъ лишь закружились головы. Ты знаешь въ Партенеѣ прекрасное описаніе такого головнаго круженія: никогда такъ живо не чувствовалъ я выразительности сего мѣста, какъ чувствовалъ здѣсь. Представь, на самомъ верьху лѣстницы съ обѣихъ сторонъ вижу я зіяющую подъ собою *бездну*, не знаю, за что ухватишься, гдѣ остановишься, между тѣмъ, какъ поспѣшные за мною

товарищи безпрестанно меня торопятъ: — представь меня въ этомъ положеніи, и суди о моихъ чувствахъ. Въ глазахъ моихъ помрачилось: я совѣмъ не видалъ прелестныхъ окрестностей, и до сихъ поръ еще не знаю, какъ слѣзъ на землю.

Чтобъ съ меньшимъ трудомъ сойти изъ Трейдена, нежели съ какимъ къ нему всходили, мы отыскали тутъ пробзжую дорогу, которая однимъ ущельемъ ровно спу-

скается въ долину.

Милости просимъ на холодокъ! кричали намъ изъ Гутмансовой пещеры прочіе наши товарищи: ручей, бившій тутъ изъ горы, пріятно мѣшая шумъ свой съ этимъ крикомъ, кажется, вмѣстѣ съ нимъ приглашалъ насъ. Пещера сама по себѣ ничего не значитъ, но замѣчательна тѣмъ, что представляетъ образованный Натурою памятникъ минувшихъ временъ. Она лежитъ

въ спокойномъ, уединенномъ мѣстѣ, и тишиною своею, древними надписями погружаетъ посѣтителей въ глубокую меланхолію, которая намъ въ сей краткой и странной жизни кажется очень свойственна. Между прочимъ одно имя, начерченное въ 1624 году, доказываетъ, что она давно уже извѣстна чувствительнымъ сердцамъ. Какъ жаль, что многія надписи то въ шутку, то для помѣщенія на мѣстѣ ихъ другихъ имянъ,

или обезображены, или совсѣмъ стерты.

Развалинъ Кремона мы не посѣщали, а не упуская хорошаго дня, тотчасъ отправились въ Карлсруге, и по дорогѣ завернули въ Нурмисъ.

Но не доѣзжая еще до Нурмиса, принуждены мы были, по случившемуся нещастію, съ колясною остановиться у одного ручья. Какой ручей! Смотря на

него, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ представилъ я въ мысляхъ всю свою жизнь. Такъ точно протекалъ Лебисъ по той любезной, безцѣнной для меня деревенькѣ, въ которой я родился. Какъ и тамъ, катились здѣсь по сребристымъ камешкамъ маленькія каскады; самой берегъ съ различными своими растѣніями не менѣе представлялъ мнѣ обманчивыхъ сходствій. Надъ струями толпились насѣкомыя, незнав-

шія прежде отъ меня покоя, а въ струяхъ плескалась та рыбка, которую я нѣкогда ловилъ для стараго моего отца и которая составляла любимое его кушанье. При меньшей душевной растроганности, можетъ быть, я тутъ уступилъ бы принятому положенію, — что организованныя тѣла непосредственно образуются неорганизованною по виду массою; но сердце мое было полно — съ слезами на глазахъ вос-

поминалъ я о прежнихъ желаніяхъ, милыхъ своихъ мечтахъ; дѣтскія чувства на минуту во мнѣ пробудились, и мнѣ казалось, какъ бы невидимая рука сняла съ груди моей тяжкое бремя, наложенное на меня съ лѣтами и суетностію. Но ты всегда боялся мечтателей: мы поѣхали далѣе.

Смотри, съ какимъ новымъ вкусомъ расположенъ Нурмисъ! какъ пріятны эти небольшія группы кустарни-

ковъ! На концѣ тропинки ты изумишься, увидя вдругъ предъ собою плотину съ мѣльницею и прелестной домикъ самаго мѣльника; — тутъ въ сребристыхъ струяхъ протекаетъ Аа. Тебѣ хочется здѣсь остановиться? — Но солнце на закатѣ, а намъ нынѣшнимъ вечеромъ надобно быть въ Карлсругѣ.

Поворотя отъ Вендена, увидѣли мы одну изъ тѣхъ волшебныхъ мѣльницъ, ко-

ихъ здѣсь такъ много, и которыхъ владѣльцы были бы щастливы, естьли бы умѣли цѣнить свое богатство. Не далеко отъ нее, въ глазахъ нашихъ, входила тучная корова въ каменную пещеру, — и этой картиной, какъ въ Швейцаріи, мы были очарованы.

Отсюда дорога наша была къ Аммату, въ эту лѣсную сторону, гдѣ пріятность, для красоты цѣлаго, смѣшана съ нѣкоторою

дикостію, и гдѣ горы, покрытыя краснымъ лѣсомъ, напомнили мнѣ о Саксонскихъ кряжахъ при тамошнемъ рудокопѣ.

Самой Карлсруге какъ ни высоко лежитъ, но не имѣетъ хорошихъ видовъ, и въ срединѣ болѣе кажется какою-то отдѣльною лощиною. Около 9 часовъ мелькали передъ нами прекрасныя его зданія, и — что для утомленныхъ странниковъ еще пріятнѣе — въ одномъ изъ

сихъ зданій скоро нашли себѣ ночлегъ. Корчма наша не изъ корыстолюбія, а для гостепріимства построенная, много обѣщаетъ. Къ ней примыкаетъ маленькой садикъ съ иностранными растѣніями, которыя, будучи здѣсь хорошо сберегаемы отъ рѣзкаго вѣтру и морозу, приносятъ богатой плодъ. Этотъ вечеръ былъ прекрасной, и все вокругъ насъ такъ прелестно, что мы, забывъ усталость, въ такія сумерьки вздумали еще бро-

дить, и долго уже спустя, велѣли приготовить ужинъ и постели. Какой сладкой сонъ! — кто изъ насъ не хотѣлъ имъ уснуть?

Въ шесть часовъ пробудились мы подъ громкимъ роговымъ звукомъ. Въ Германіи, на своей родинѣ, никогда не *вставали* мы такъ свѣжи и живы съ душныхъ пуховиковъ, какъ встали здѣсь съ легкихъ постель. Краснымъ утромъ тотчасъ пошли мы на Аммать, въ

здѣшнія славныя по Лифлянціи окрестности.

Болѣе всего встрѣчались мнѣ тамъ такія мѣста, гдѣ вдругъ, совсѣмъ противъ чаянія, видя себя на краю ужасной пропасти, думаешь, что долы и съ ними горы изъ подъ волшебнаго прута такъ скоро передъ тобой являются. Тутъ на одномъ мѣстѣ чуть видишь внизу наведенной на рѣкѣ мостъ; разсматривая въ такомъ глу-

бокомъ отдаленіи, ты почелъ бы все это пустымъ призракомъ, естьли бы шумъ рѣки не увѣрялъ тебя въ настоящей существенности. Мы всѣ не безъ пользы бродили по этой сторонѣ, и я желалъ бы изобразить тебѣ, что мы тамъ думали, чувствовали, мечтали. Какъ прекрасна была такая картина!

Не имѣя права на чужія мысли, предлагаю тебѣ свои, найденныя на пергаментѣ:

Сюда, гдѣ тихая рѣка, струясь
въ долинѣ,
Журчитъ задумчиво, теряется въ
кустахъ,
Гдѣ черный, дикій лѣсъ, на воды
наклоненный,
Скрываетъ путника подъ тѣнію
своей;

Сюда сокроюсь я,
Когда въ душѣ моей
Веселіе изчезнетъ
И горесть поселитъ;
Здѣсь вѣчный миръ живетъ!
Во мракъ печальныхъ сосенъ,
Подъ сѣнь угрюмыхъ елей
Заботы не заходятъ.

На срединѣ горы нашли мы простой памятникъ sue-red to the memory of Charlotte, одной Лейбцигской уроженки: конечно, она имѣла благородную душу, когда память ея такъ почитаютъ. Небольшія непріятности, встрѣчавшіяся съ нами по шероховатой тутъ тропинкѣ, скорѣе были поводомъ къ шуткѣ, нежели къ досадѣ. Нѣкоторые оставались за нами въ долинѣ, желая послѣ жару въ Аммать прохладиться.

Такимъ образомъ мы наконецъ простились съ Карлсруге, чречвычайно довольные всѣмъ, что ни видѣли въ этой щастливой сторонѣ, и сердечно благодаря добраго своего хозяина, поѣхали далѣе, и здѣшній одинакій выговоръ сихъ различныхъ между собою литеръ ее и а, подалъ случай къ небольшему смѣху. Медвѣди! медвѣди! (Bären! Bären)! раздалось между нами во множествѣ голосовъ; стадо пасшихся по дорогѣ воловъ,

кажется, было въ тревогѣ, и два мальчика опрометью бѣжали къ нашимъ коляскамъ. Какъ желалъ я сихъ такъ мочныхъ и передъ людьми еще такъ кротkихъ лѣсныхъ питомцевъ видѣть, хотя разъ, въ природномъ ихъ величіи! Но скоро открылось, что рѣчь была не о медвѣдяхъ (Bären), но о ягодахъ (Beeren).

Маленькая шутка, съ улыбкой говоришь ты — хорошо!

но на повѣрку, маленькое часто бываетъ всего лучше.

Теперь, прежде нежели кончу это слишкомъ долгое письмо, скажу тебѣ еще нѣсколько словъ о прекрасныхъ произведеніяхъ этой стороны. Лифляндія богата растѣніями; въ лѣсахъ ея, хотя рѣдко, видимъ величественный дубъ (*), а елей (**) совсѣмъ нѣтъ; за

(*) Дубы здѣсь на всякую бездѣлицу порубаются.

(**) Въ Лифляндіи симъ именемъ называется теперь не самая ель, а сосна или Pinus sylvestris.

то отличаются они мѣлкимъ деревомъ, березою и прекраснымъ можжевельникомъ. Цвѣтовъ, на прим. незабудочекъ, вездѣ много. Лѣса наполнены дроздами, зяблицами, снигирями и проч. а въ поляхъ разпѣваютъ перепелки и жаворонки; особливо не рѣдки здѣсь хваленые соловьи. Ручьевъ и малыхъ рѣкъ также довольно — и ты видишь теперь, что въ Лифляндіи не стыдно бы жить и самимъ Музамъ. Скоро получишь боль-

ше; а на этотъ разъ — прости!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Въ пріятныхъ мысляхъ, что ты, можетъ быть, въ эту самую минуту читаешь про себя послѣднее мое къ тебѣ письмо, берусь я за перо, — продолжаю и окан-

чиваю свои замѣчанія. Въ прошлой разъ разстались мы близъ Карлсруге, а теперь находимся близъ Вендена. Здѣсь съ высокаго пригорка далеко видишь во всѣ четыре стороны. Но мнѣ лишь кинулись въ глаза городокъ съ красными черепичными крышками, съ бѣлыми каменными стѣнами, и древнія тутъ развалины прежняго главнаго рыцарскаго судилища, сего центра, откуда бранная сила повелѣвала и угрожала народамъ —

только эти два предмета въ семъ открытомъ пространствѣ остановили на себѣ мой взоръ.

Но, можетъ быть, я становлюсь несправедливымъ противъ Венденскихъ окрестностей, здѣсь славныхъ; можетъ быть, сильное желаніе, обнять моего друга П. помѣшало мнѣ заняться разнообразіемъ бездушныхъ предметовъ. — Со мною и съ моимъ П. случилось то, что часто случается со всѣ-

ми при полнотѣ сердечныхъ чувствованій: мы много хотѣли говорить, — не знали какъ начать и — у насъ цѣлой часъ прошелъ ни въ чемъ. Но, другъ мой, не всегда ли такъ бываетъ и съ цѣлыми годами — и съ цѣлою жизнію?

Спустя этотъ часъ, я нашелъ товарищей своихъ между развалинами, гдѣ они думали еще открыть послѣдніе слѣды древняго величія. Меня устрашилъ ги-

гантской видъ сихъ стѣнъ, а неизглаженная еще тутъ рука разрушительнаго времени доставила мнѣ удовольствіе. Потомъ искали мы *Костяной горы*, этого памятника человѣческаго неистовства. На семъ холмѣ стоитъ ветхая капелла замка съ засохшею древнею сосною — какъ съ выставленнымъ знаменъмъ смерти. Кости *убитыхъ тутъ жертвъ*, слегка накинутыхъ землею, по мѣстамъ высунулись, и вѣроятно, множество ихъ

съ лѣтами уже уменьшилось. Этотъ видъ въ минуту унизитъ гордой духъ, а унылое сердце успокоитъ:

Здѣсь спятъ они,
Сыны побѣды,
Глубокимъ сномъ
Въ гробахъ безмолвныхъ.
Умолкъ для нихъ
Сраженій громъ!
Они слокойны
На лонѣ смерти!

Что я думалъ тутъ о извѣстной въ Муршенѣ Ко-

стницѣ (*), ты догадаешься самъ; однакожь скажу тебѣ, — сердце мое жестоко досадовало на сихъ враговъ человѣчества, на сихъ осквернителей святыни, кои, вмѣсто трофеевъ, оставили по себѣ эти ужасные памятники, не заровнявъ ихъ сырою землею. Но что говорить о кровавой битвѣ въ такой землѣ, гдѣ по обитаемымъ мѣстамъ, въ прямой линіи, можетъ быть,

(*) Домикъ, въ которомъ хранятся кости убитыхъ.

не пройдешь десяти миль, не ступя на какое нибудь забытое побоище; гдѣ, какъ нѣкогда въ Муртенѣ, такимъ или подобнымъ образомъ, питаютъ въ народѣ любовь къ своему отечеству?

Венденъ небольшой городокъ — можно сказать, малолюдной, естьли только жаркой и душной день, въ нашу бытность, не заставилъ жителей его сидѣть по своимъ домамъ. въ здѣшнихъ окрестностяхъ видѣ-

ли мы величайшее по всей Лифляндіи возвышеніе, *Синюю гору*, которая, подобно Готской *Горѣ Острову*, можетъ служить довольно надежною показательницею воздушныхъ перемѣнъ.

Жаль, что мы въ своемъ пути ее миновали: какбы желалъ я съ нее обозрѣть все, что есть на землѣ? Ахъ! и когдабы покатились подъ нами горы, мы безопасно возвышались бы надъ бунтующими по зем-

ной поверхности стихіями. Когда бы — — но довольно.

Мы подѣхали къ *Іоганненгофу*, извѣстному своимъ паркомъ по рѣкѣ Аа, которая и здѣсь питаетъ собою нѣкоторыя романтическія окрестности. Садовникъ, какъ искусной въ своемъ дѣлѣ Цицеронъ, повелъ насъ сперва подземнымъ, высѣченнымъ къ камняхъ ходомъ, и симъ возвысилъ въ глазахъ нашихъ слѣдующія за шѣмъ явленія. Мѣстечко от-

мѣнно мнѣ полюбилось! Сей часъ откpывается передъ тобою чистой, тихой прудъ съ хpамикомъ на одномъ концѣ, гдѣ, подъ густымъ навѣсомъ pослыхъ деpевьевъ, сокpытый отъ всего свѣта, спокойно сидишь и смотpишь на высокое небо. Конечно, и пpочія мѣста *Іоганненгофа* обpазуютъ собою пpекpасное цѣлое, хотя поpознь взятыя пpедставляются онѣ въ какомъ-то пpостомъ и слишкомъ скpомномъ видѣ. Гpотъ, эpми-

тажъ, проспекты по рощѣ на рѣку Аа, все это вмѣстѣ было для меня пріятно, а при выходѣ на сосновомъ холмѣ нашли еще памятникъ, подъ которымъ хранится прахъ достойнаго врача *Каадзе*. Никакой тропинки не было по этому холму; можетъ быть, онъ посвященъ уединенію и слезамъ, а мы, гдѣ плачутъ, тамъ громко смѣялись: чему же? Холмъ покрытъ былъ чрезвычайно скользкими сосновыми иглами, и мно-

гіе изъ насъ принуждены были не сходить съ него, но катиться.

Густой, высокой лѣсъ, по краямъ, какъ нарочно, обложенный зелеными лугами, украшалъ путь нашъ отсюда до *Линденгофа*. Онъ привлекалъ вниманіе, не воспламеняя воображенія, и мы съ спокойнымъ и вмѣстѣ веселымъ духомъ прибыли въ сей *Линденгофъ*, достойной примѣчанія по своей *Чортовой пещерѣ*. Остановясь

въ корчмѣ, пошли мы въ эту пещеру. Широкія вокругъ нее поля ничего вблизи ея не обѣщали, и только пришедши уже на самое мѣсто мы удивились.

Обманутый названіемъ, ожидалъ я страшнаго зрѣлища: но нашелъ совсѣмъ противное. Представь себѣ маленькой кустарничекъ, мирную рощу на скатѣ горы, а при сходѣ въ блестящемъ бѣломъ камнѣ высѣченную пещеру съ чис-

тымъ, быстрымъ родникомъ — и ты будешь имѣть довольно живую картину. Вотъ смотри, другъ:

Долина прохладна,
Тѣнистый лѣсокъ! —
Съ пригорка стремится
Блестящій ручей,
И съ тихимъ журчаньемъ
Въ высокой травѣ
Бѣжитъ и сверкаетъ.
Безмолвный Сильванъ
Въ святилищѣ рощи
Подъ сѣнью сидитъ!
Веселыя птички
На вѣткахъ поютъ,

И быстро мелькаютъ
Среди облаковъ.
О, другъ мой, въ семъ мѣстѣ
Спокойство живетъ ;
Невинности, щастья
Здѣсь мирная сѣнь.

Однакожъ въ сей пещерѣ видѣнъ еще крестъ, которымъ нѣкогда Христіанскіе Священники думали истребить жившихъ тутъ злыхъ духовъ, или — можетъ быть, только взятую объ нихъ мысль. Также до сихъ поръ носится

молва, что древніе Лифляндскіе жители долго передъ сею пещерою, подъ открытымъ небомъ, приносили жертвы своимъ богамъ и вымышляли законныя средства противъ Нѣмецкаго насилія; а симъ психологически и объясняется названіе сего мѣста. Впрочемъ пещера, въ разсужденіи обширности, не замѣчательна.

Въ Роннебургъ прибыли мы вдругъ съ сумерьками. Эту сторону можно бы причи-

слить къ лучшимъ въ Лифляндіи сторонамъ, естьли бы она не бѣдна была лѣсомъ. Однакожь помѣщикъ здѣшній вокругъ своего дому старался наградить этотъ недостатокъ разведеніемъ еще молодыхъ лѣсковъ. Къ такимъ разведеніямъ здѣсь обыкновенно выбираютъ березу, которая, по крайней мѣрѣ, своимъ видомъ превосходитъ плодовитыя, тѣнистыя деревья вокругъ сельскихъ домиковъ въ Германіи.

Мы не преминули въ этотъ же вечеръ, при меланхолической мрачности, побывать на здѣшнихъ развалинахъ обширнаго, и, конечно, въ свое время отмѣнно крѣпкаго замка: не отстали отъ насъ и дамы — что въ древнія времена, когда вѣрили привидѣніямъ, смѣлому кавалеру показалось бы отважнымъ предпріятіемъ. — Но подъ такими стѣнами, въ безмолвныхъ, покрытыхъ темною ночью окрестностяхъ, мрачныя мы-

сли непримѣтно вкрадываются въ унылую душу, и мы живо чувствовали то, что Маттисонъ говоритъ въ своей элегіи на сей случай.

Недалеко отъ развалинъ расположились ночлегомъ проѣзжіе Лифляндцы. Щастливцы! они спятъ на скудныхъ своихъ пожиткахъ, и не проснутся! Яркія звѣзды, конечно, много уже разъ освѣщали открытое ихъ ложе и сырой вѣтръ

часто развѣвалъ ночныя ихъ мечтанія. Подлинно, мы сихъ людей почитаемъ совершенно нещастными; по тому что имъ не дано богатства, власти, славы и самой на то надежды; по тому что они иногда цѣлую жизнь должны терпѣть нужду, — и однакожь, судя по кроткому сну ихъ, не знаю, кто изъ насъ щастливѣе, мы или они:

Кого желаніе, надежды не волнуютъ,
Тотъ безмятежно слитъ у тихаго ручья;

Тотъ первый лучь зари съ веселіемъ
встрѣчаетъ,
И вмѣстѣ съ птичьками поетъ хва-
лу Творцу!
Но какъ нещастливъ тотъ, кто мы-
слью вдаль стремится!
Онъ рокомъ осужденъ, слокойствія
не знать.

И мы послѣ утомленія надѣялись спокойно уснуть; не нашедши вдругъ довольно постелей, нѣкоторые изъ насъ расположились въ коляскахъ, а прочіе хозяиномъ отведены были на сушило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

корчмы: — но какое чудо съ послѣдними случилось! лишь мы — потому что и я былъ между ими — лишь мы взошли по лѣстницѣ и ревностной хозяинъ отнялъ ее за нами, вдругъ лай сердитыхъ собакъ, вмѣстѣ съ грубыми человѣческими голосами, раздался въ темнотѣ: что думать? — Натурально, люди были разбойники, а самое мѣсто ихъ вертепъ. Но въ Лифляндіи нечего бояться; и скоро открылось, что незнакомцы

были пилигримы съ вѣрными своими псами. Безпечно разкинулись мы тутъ на пышныхъ сѣнныхъ ложахъ, а поутру проснулись, и странниковъ уже нѣтъ: они пропали, оставя по себѣ лишь добрую славу.

Съ свободнымъ духомъ, раздѣлясь на партіи, бродили мы утренніе часы по окрестнымъ возвышеніямъ. Заигралъ рогъ, и эхо четыре раза повторилось. — Иные всходили на древній окопъ,

съ котораго нѣкогда наступали на здѣшнюю крѣпость; другіе снова разсматривали развалины, и по слѣдамъ догадываются, что эта славная крѣпость сгорѣла; нѣкоторые подходили тутъ къ священному домику, отмѣнно веселому по своимъ видамъ: но — гдѣ бы кто ни бродилъ, наконецъ всѣ собрались довольны и веселы у своихъ колясокъ и пустились далѣе въ путь.

Для насъ, бывшихъ въ

Карлсруге, мѣста между Роннебургомъ и Сербеномъ не имѣли ничего привлекательнаго. Впрочемъ въ Сербенѣ съ удовольствіемъ посмотрѣли на знакомую уже и любезную намъ рѣку Аа, а вскорѣ и тамошнія окрестности къ намъ улыбнулись: мы видѣли озера; насъ окружали гордые лѣса, и тутъ между высокими соснами, какъ во снѣ, вспомнилъ я дни моей юности.

И здѣсь сосны (Före) бо-

лѣе извѣстны подъ ложнымъ именемъ елей, можетъ быть по тому, что шишки ихъ въ лучшемъ родѣ приняты за шишки еловыя. Настоящія же величественныя ели очень рѣдки, а въ холодномъ Лифляндскомъ климатѣ, кажется, совсѣмъ ихъ нѣтъ. За то здѣсь, а особливо около Риги, много сосенъ (pinus sylvestris).

Съ нашего отъѣзда изъ Риги жары съ каждымъ

днемъ увеличивались, атмосфера не застилалась ниодним облакомъ, а изъ подкопытъ нашихъ лошадей подымалась столбомъ несносная пыль. Тутъ въ *Пебалгѣ* надѣялись мы отдохнуть, но тамошняя корчма такъ была бѣдна, что на тотъ разъ не могли достать и молока; къ большей же досадѣ вокругъ себя не видѣли мы ниодного уголка подъ тѣнью. Въ корчмѣ была страшная духота, и мы, повѣся головы, бродили взадъ

и впередъ, пока наконецъ для отдыху нашли себѣ по мѣстечку — естьли не въ шѣни, по крайней мѣрѣ — на мягкомъ дернѣ. Потомъ простились мы съ этой безпріютной стороной, въ надеждѣ скоро найти покой у пастора въ *Эрлаэ*, и черезъ нѣсколько часовъ были въ его домѣ.

Весь этотъ вечеръ провели мы въ ласковыхъ разговорахъ; а наслажденіе пре-

лестною здѣсь природою отложили до другаго дня.

Теперь, безъ сомнѣнія, я долженъ что нибудь сказать тебѣ о здѣшнихъ наспорахъ, о которыхъ ты конечно до сихъ поръ не имѣлъ точнаго понятія. Узнай же, что они во всемъ прекрасно отличаются отъ собраній своихъ въ Саксоніи. Все дѣло конечно въ томъ, что каждой здѣсь духовной человѣкъ, какъ говорятъ, видѣлъ свѣтъ, а отчасти

и въ томъ, что не только другія состоянія, но и самыя его власти имѣютъ къ нему почтеніе. Не худо бы посовѣтовать и твоимъ надутымъ Еврейскими письменами педантамъ, чтобъ они, оставя пышныя бездѣлки, у здѣшней консисторіи поболѣе заняли мудрости. Но довольно!

Поутру, освѣжась въ чистыхъ струяхъ Огера, пошелъ я самъ-другъ на окрестную долину, гдѣ за нѣ-

сколько лѣтъ нѣкоторые наши товарищи слышали согласныя трели соловьевъ. Теперь эти громкіе пѣвцы не пѣли, и среди различныхъ прелестей, предъ тобою здѣсь открытыхъ, легко можешь ихъ забыть. Дорожка на Огерѣ то между кудрявымъ кустарникомъ, то по шероховатой, однакожь безопасной покатости, а наконецъ между высокими дубами, въ срединѣ долина, паркъ на островѣ, по рѣкѣ мостъ, окрестныя горы и

другіе предметы пріятно насЬ занимали. Самая Эрлаэ походитЬ на НѢмецкую деревеньку: какЬ любуешься ею сЬ пасторскимЬ, открытымЬ вЬ прелестныя окрестности домикомЬ, и какЬ не охотно сЬ нею разстаешься! ЗдѢсь есть также и развалины, впрочемЬ незамѢчательныя; меня болѣе заняла толпа Лифляндцевъ сЬ своими Лифляндками, кои вЬ праздничныхЬ своихЬ нарядахЬ спѢшили вЬ церковь.

Въ Гиршенгофѣ нашли мы Нѣмецкую колонію, которая, поселясь здѣсь за 36 лѣтъ, но не измѣнясь еще въ національныхъ нравахъ и обычаяхъ, также мало знаетъ свою отчизну, какъ я Патагонію. Эти люди конечно недовольны своею участью, хотя и малую платятъ подать. Они вѣрно сулили себѣ здѣсь золотыя горы, и нашли — только песокъ и камень! Въ честь имъ танцовали мы Нѣмецкой вальсъ.

По дорогѣ отсюда до Кокенгусена жгло насъ солнце, а на благословенномъ югѣ собирались грозныя тучи: — болѣе не могу сказать ни чего. У Кокенгусена, какъ ты видишь по картѣ, тотчасъ явилась передъ нами Двина; но эта рѣка не имѣетъ здѣсь того величія, какое она имѣетъ въ Ригѣ; на ней нѣтъ длиннаго въ 900 шаговъ мосту и множества высокихъ мачтъ. Вдругъ подлѣ нее на оторванной страшной глыбѣ лежатъ развалины славной въ свое время крѣпости.

Смотря на эту утесистую глыбу далѣе по смежной съ нею горѣ и на твердую выступавленную передъ тобой ея вершину, находишь въ положеніи сей разрушенной крѣпости великое сходство съ положеніемъ Алтенбургскаго замка; но мѣста около Кокенгусена гораздо отличнѣе; его защищаетъ широкая рѣка, долина Персе и вокругъ лежащіе, впрочемъ зрѣнія не пресѣкающіе, высокіе холмы. Теперь въ сихъ опустѣлыхъ стѣнахъ

живутъ воробьи — бранолюбивой народецъ, которой подалъ бы прекрасную матерію, естьлибы принять ихъ за метаморфозъ здѣсь убитыхъ людей.

На этомъ же мѣстѣ рѣка Персе сливается съ глубокою Двиною; впрочемъ эта рѣка и сама по себѣ прекрасна. По сей-то Персе ставятъ Кокенгусенъ, по красотѣ мѣстоположенія, между лучшими сторонами въ Лифляндіи, и она, по очаро-

вательнымъ разнообразнымъ прелестямъ природы, заслуживаетъ вниманіе чужестранца. Персе составляетъ здѣсь большой, обросшій лѣсомъ оврагъ, въ которой мы по крутымъ ступенямъ и вздумали спуститься. Но эти ступени были такъ рухлы и обманчивы, гора такъ крута, что мы наконецъ кое-какъ сошедши въ долъ, съ симъ щастіемъ не преминули другъ друга поздравить. И тутъ бѣда! одолѣли мы этотъ прудъ-

ной путь — и, кажется, напрасно: мостъ, состоявшій изъ неприкрѣпленныхъ досокъ, былъ разобранъ. Что дѣлать? Половину дороги прошли; времени оставалось мало, а безъ мосту — по крайней мѣрѣ, дамамъ не лѣзя было перебраться на противную хваленую сторону. Перенесть ихъ черезъ рѣку было также не ловко, когда и самому, безъ сей милой ноши, трудно устоять по неровному кремнистому дну. Наконецъ одно-

му рыцарю удалось переправиться — и доски были сплочены; но этотъ мостъ такъ подъ нами качался, что, я увѣренъ, нѣкоторыя наши сопутницы безъ сердечнаго смятенія не могутъ объ немъ вспомнить. Трудъ нашъ не остался безъ награды; тутъ съ пріятнымъ шумомъ падали передъ нами два каскада:

Не бездной, лѣною шумящей,
Ревущей грозно въ берегахъ,
Они глазамъ моимъ предстали;
Но быстрымъ, свѣтлымъ ручейкомъ,

Который по леску стремился
И внизъ по камушкамъ бѣжалъ,
Который мирной красотою
И взоръ и сердце обольщалъ.

Дорожка наша лежала вверьхъ, и журчаніе въ глуби между кустарниками отъ часу становилось тише, тише, а наконецъ — умолкло. Съ высокаго холма открылась передъ нами долина: искусной въ ландшафтахъ живописецъ Кигельхенъ нѣкоторыя тутъ мѣста снялъ на бумагу, и я хотѣлъ было, вмѣсто сухаго

описанія, лучше послать къ тебѣ рисунки. Противъ развалинъ здѣшній помѣщикъ построилъ домъ — его участь можетъ назваться завидною.

Но время непримѣтно пролетѣло, стало поздно, а мы, по принятому намѣренію, на слѣдующій день должны быть въ Ригѣ. Такимъ образомъ, въ замѣну, и для пріятнаго разнообразія, рѣшились мы пуститься въ ночь, и еще до сумерекъ далеко за собою оста-

вили Кокенгусенъ. Ночь была тихая и ясная; полная луна кротко освѣщала дремлющія окрестности, по мѣстамъ носились легкія облака и слабая молнія сверкала передъ нами, какъ бы забавляя насъ въ сей ночи. Тутъ подымался уже изъ рощи густой туманъ, пріятно мѣшаясь со свѣтомъ луны; а наконецъ величественно взошло и солнце. — Теперь дѣло пошло скорѣе и мы въ торопяхъ лишь нѣсколько минутъ полюбо-

вались у Ленневердена прекрасною каменною горою, съ чистымъ, бившимъ изъ нее ручейкомъ: другими же по дорогѣ мѣстами рѣдко занимались.

Къ нещастію, за 18 верстъ до Риги, очутились мы опять на досадныхъ пескахъ; спасибо только горячимъ лошадямъ, что мы довольно скоро проѣхали эту дорогу. Около 9 часовъ утра стояли уже мы у Рижской заставы, и какая ра-

дость! на сей разъ былъ здѣсь Ивановъ день. Вездѣ толпы народу, вездѣ на головахъ вѣнки, и тысячи голосовъ кричали радостное: лиго! лиго! Съ удовольствіемъ добрымъ горожанамъ отвѣчали и мы лиго, и спѣшили въ объятія своихъ друзей. Я спѣшилъ къ друзьямъ, потому что и я на чужой сторонѣ былъ уже не одинъ.

Теперь прости! сердце мое помнитъ тебя и всѣхъ

съ тобою: мы живемъ духомъ, и время и мѣсто малая для насъ преграда. Естьли ты хочешь знать, что значитъ это лиго; то я переведу тебѣ пріятельскимъ желаніемъ: радость, миръ! и это желаніе прими отъ своего друга

Фишера.

КОНЕЦЪ.

3+
ОИК-91262
8
38